

Тори Ни

Цин Але.
Императрица
Поднебесной

ТОМ 3

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
Н60

Ни, Т.

Н60 Цин Але. Императрица Поднебесной. Том 3 / Т. Ни. — М. :
RUGRAM, 2025. — 228 с. — (Цин Але).

ISBN 978-5-517-13275-8

Лазурная печать империи проснулась в теле наследницы Северного княжества. В результате череды ошибок Цин Але вместе с учителем ба-рышней Цзиньши Хуан оказались в плену у наместника Южного царства. Юноша с абрикосовыми глазами, обладающий темным заклинательством и заручившийся поддержкой Синей Бездны, расставляет ловушки для своей невесты и ее учителя: на пути к брачной церемонии с представите-лем вражеского клана Цин Але открывает тайну семьи Не Нэя и историю третьего брата Цин Са, раскрывает обманы и осознает истинную любовь к сыну небесного бога. Сможет ли Цин Лин спасти свою возлюбленную и не допустить ее гибели в борьбе за престол Поднебесной?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13275-8

© Тори Ни, текст, иллюстрации, 2025
© Сергей Ивкин, дизайн, 2025
© RUGRAM, 2025

ГЛАВА 32

ЭТА ЛАЗУРНАЯ ПЕЧАТЬ ПРОЯВИЛАСЬ, И ЛИШЬ ЧЕРНАЯ САКУРА ИНХУА МОЖЕТ СОХРАНИТЬ БАРЫШНЕ ЖИЗНЬ

Когда в семье почтенного и всеми уважаемого магистра Цзиньши родилась старшая дочь, он не скрывал разочарования: мечты о сыне и будущем полководце империи были столь желаемыми долгие годы, но боги не услышали мольбы этого господина и подарили магистру красавицу дочь. Потому девочке дали мужское имя — Цзиньши Хуан. Магистр Цзиньши рассуждал здраво: когда впоследствии супруга подарит ему сыновей, дочь получит второе женское имя. Однако судьба явно шутила с этим амбициозным господином, и партию в вейци он проиграл — с каждой попыткой в семье рождались девочки, и после пятой дочери дворцовый лекарь вынес печальный диагноз: больше родить ребенка дама Цзиньши не сможет. К тому времени Цзиньши Хуан уже вполне подросла и проявляла живой интерес к заклинательству и военному искусству, к удивлению отца и матери,

девочка росла крепкой и сильной, словно юноша, отец сетовал на богов, но вскоре все новые достижения дочери в обучении заставили магистра изменить мнение: барышня справлялась не то чтобы не хуже натренированного воина, а еще и лучше по всем показателям. Это был сильнейший воин в женском теле. В раннем возрасте у способной барышни открылся редкий заклинательский талант, и Цзиньши Хуан определили благодаря связям отца в самую подающую надежды духовную школу Пик Ханьши: школа располагалась ближе всего к столице Ханьшань, так магистр Цзиньши мог спокойно исполнять свои обязанности при княжеском дворе и одновременно держать обучение дочери под контролем. Через год обучения у строгого Ши Хуанлуня у Цзиньши Хуан проявилось божественное оружие — огненные крылья. Оружие это выделилось из ее духовного ядра и не являлось подарком божеств, что было вдвойне ценно и значимо, и представители всех духовных школ княжества засвидетельствовали почтение старейшине Ши, под руководством которого такое чудо произошло. Редкие заклинатели империи получали духовные огненные крылья, мощь этого артефакта была неоспоримой. Так Цзиньши Хуан стала лучшей и самой перспективной ученицей Пика Ханьши и с возрастом не получила второго женского имени. Все шло благополучно, княжеская семья благоволила ее отцу, барышня укрепляла духовные навыки и мечтала культивировать бессмертие все последующие годы под строгим надзором беспощадного старейшины Ши. А потом появилась Цин Але, как снег на вершине горы — сияющая, нежная и хрупкая, нуждающаяся в защите и в наставлении барышня. Эта княжна вмешалась в планы, и незаметно одно за другим все сбилось и ушло по иному пути, сложились новые обстоятельства: теперь Цзиньши Хуан получила титул образцовой наставницы, обрела ученицу в лице непослушной цзюньжу

и волею судьбы покинула Северное княжество на черном драконе Инь Луне в компании злейшего врага чужого клана — наместника Не Нэя Южного царства. Мир перевернулся с ног на голову, словно перекатилась сфера Инь-Ян, и теперь перед глазами была лишь темная ее половина. Что же предстояло дальше: сердце стойкой барышни болело, на ее руках оказалась слабая девушка при смерти, обе они были во власти темного заклинателя Не. Цзиньши Хуан не могла применить духовное оружие и убить врага, ведь от него теперь зависело, сможет ли Цин Але выжить или погибнет. Цин Але давно стала для Цзиньши Хуан не только ученицей, но и младшей сестрой, защита которой была приоритетом перед всеми остальными задачами. Ранее девушки через многое прошли вместе, они спорили, расходились во мнениях и находили выходы из сложных обстоятельств. Цзиньши Хуан мечтала увидеть, как Цин Але выйдет замуж за цинвана и всегда будет под защитой сильного воина. Но теперь обе барышни оказались во власти врага — этот юноша вынашивал темные планы и надеялся захватить трон государства.

Когда черный дракон, жесткая чешуя которого отливала антрацитом в закатных лучах, размеренно спланировал на изъеденную временем черепицу старого дворца, та хрустнула под его цепкими лапами, и несколько осколков улетели вниз на землю, разбившись. Осмотревшись прозрачными прищуренными глазами (красный оттенок глаз был утерян после темных заклинаний наместника Не), Инь Лунь мягко спланировал на землю. С его могучих крыльев, затмивших багрянец неба, сорвался вихрь, взметнувший опавшие листья сливы в заброшенном саду. Наступил вечер. Новая Хань-Ван-Це светилась издали огнями зажженных масляных фонарей: столицу Южного царства хорошо было видно с крыши старого запечатанного дворца, но внизу во внутреннем дворе было уже темно. Дворец, некогда блиставший

золотом и лазурью, был поглощен теньями, охраняемый высокими стенами с выцветшими фресками полуящеров-полудраконов, фениксов и небесных божеств, теперь казался почти неразличимыми в сумерках. В теплом вечернем воздухе витал запах старых свитков и чернил, а возможно, Цзиньши Хуан просто показалось с непривычки, зрение ее еще подстраивалось к темноте. Этот дворец стал отчужденным после смерти императора Ци Му в годы раскола небес при Великом бедствии, в тот злополучный момент империя раскололась пополам, утратив древний военный артефакт — лазурную военную печать, дающую ей силу и мощь.

Теперь же старый дворец встретил в своих чертогах два утерянных ранее осколка, словно само время сформировало петлю и обернулось вспять. Цин Але, как разбитый вдребезги янский осколок лазурной печати, не открывала глаз. Черная сакура Инхуа, раскидавшая металлические ветви по внутреннему двору, размеренно шелестела жесткой листвой на ветру. Вместе эти две части составляли единую печать, но сейчас, оказавшись столь близко друг от друга, они лишь тянулись каждая к своей половине.

Сакура Инхуа была скрыта от посторонних глаз высоким каменным забором, даже при том, что старая Хань-Ван-Це уже много лет была запечатана защитным заклинанием и никто не мог свободно попасть в этот дворец. Ветви черной Инхуа, словно тонкие руки, тянулись в мольбе в темнеющее небо. Лепестки ее, цвета крыла черного дракона, казались бархатными в слабом свете луны. Они опали на землю каплями черной крови, образуя под божественным деревом чернеющий в бликах ночи ковер. Красота сакуры была темной и отчужденной, как и красота едва сохранившей дыхание барышни на руках воина-феникса, своего учителя. В тот вечер, когда наместник Не подошел к умирающей барышне на ее руках, огненные

крылья Цзиньши Хуан осветили пламенным светом темный двор заброшенного дворца.

— Не прикасайся к ней, держись подальше от моей ученицы! — Голос воина-феникса казался глубоким и ясным, а взгляд ее черных глаз явно давал понять, что никаких шуток быть не может и, если наместник решит приблизиться, его ждет неминуемая расплата.

— Барышня Цзиньши, — сухо хмыкнул Не Нэй, и абрикосовые глаза его озарились легкой улыбкой. — Вы не в Ханьшани, вы в Хань-Ван-Це, вернитесь в реальность. — Юноша сделал еще несколько шагов, сократив дистанцию.

Энергия пламени темного феникса задела наместника, прикоснувшись жаром к его ладоням, и тот непроизвольно остановился, нахмурившись и всматриваясь в красивое лицо Цзиньши Хуан.

— Тебе же сказано — не приближаться! — выдохнула воин-феникс.

Не Нэй тяжело вздохнул и покачал головой. Движения его казались медленными и расслабленными, что никак не соответствовало напряженной сцене, разыгравшейся в старом дворце.

— Образцовая наставница Цзиньши, вы столь молодая еще и столь красивая барышня, выдающаяся ученица, слава о которой разлетелась по мертвой империи... В свои лучшие годы вы уже приняли ученицу, столь доверчивую и неумелую, да еще и с осколком лазурной печати в крови. Какая же огромная ответственность все это время лежала бременем на вас! Будет очень неловко, если барышня умрет на ваших руках, так и не получив исцеления, — мягко улыбнулся Не Нэй, отводя взгляд светлых глаз в сторону сакуры Инхуа; та лишь шумела листьями на звенящем ветру.

Цзиньши Хуан мрачно смотрела на юношу в темных военных одеждах, белоснежные волосы его раскидались

по плечам, фигура его казалась крепкой, но девушке было достоверно известно, что тот не являлся искусным воином. Мечом Не Нэй владел намного слабее, чем Цин Лин, и даже чем генералы Южного царства. В противовес слабым местам своей военной тактики этот юноша достиг огромных успехов в темном заклинательстве. Когда втроем они пересекли границу стран, Не Нэй выставил первый духовный барьер: Цзиньши Хуан никогда не видела подобных щитов, тот казался мощным и непробиваемым даже силами умелых старейшин. Определенно армии Цин Лина будет сложно пройти первую границу. Второй барьер Не Нэй предусмотрительно установил перед новой Хань-Ван-Це, и тот не уступал по силе первому. Воин-феникс прекрасно понимала, что теперь они с Цин Але оказались в полной изоляции от армии князя и попали в ловушку этого безумного правителя, что вынашивал темные планы в своих извращенных мыслях и явно не заботился о жизни цзюньчжу. Точнее, заботился, но только сейчас, на короткий период времени, пока тело ее являлось вместилищем янской части лазурной печати.

— Мы достигли сакуры Инхуа, что теперь? Цин Але исцелится около иньского дерева? — мрачно задала вопрос Цзиньши Хуан, исподлобья глядя на наместника.

— Скажем так, смертельная опасность уже миновала. — Не Нэй сделал рукой легкий жест, провернув чуть обожженное аурой феникса запястье. — Теперь этот Не знает не понаслышке, насколько горяча прекрасная Цзиньши Хуан, — снова улыбнулся он. — Но не обольщайтесь, дорогая барышня, вы находитесь здесь около этого Не лишь потому, что связь учителя и ученицы слишком крепка и ее необходимо учесть при изъятии из тела цзюньчжу осколка янской печати. Будь это не так, я не взял бы вас с собой. Но раз уж вы здесь, не создавайте этому правителю

проблем. Я спущу вам с рук ожог лишь единожды. Если вновь вы осмелитесь применить свои выдающиеся умения, то знайте, что и на ваши огненные крылья мы управу здесь отыщем, и ваша ученица тоже может пострадать от ваших необдуманных действий. Вы не глупы, барышня Цзиньши, тщательно обдумайте свое новое положение. Чем благоразумнее вы будете себя вести, тем проще вам покажется пребывание в старой столице. Сейчас ваша задача — помочь ученице восстановиться и не мешать этому правителю ее исцелить. Пока что барышня нужна мне живой.

— Что вы намерены делать? — сухо спросила Цзиньши Хуан.

Не Нэй подошел близко к черной сакуре и раскрыл ладони бледных рук, энергия древа начала перетекать через мощный ствол в его ладони. Это казалось невозможным — столь легко брать божественную энергию осколка печати, что та не сопротивлялась и не отторгала захватчика. Сердце Цзиньши Хуан сжалось в болезненный комок, бледная девушка на ее руках со следами алой крови на губах не приходила в сознание, дыхание ее было слабым, и аура почти полностью погасла. Глядя на молодого заклинателя, чьи белые волосы, словно нити лунного света, так контрастировали с черным шелковым одеянием, барышня не могла оторвать взгляда.

Вечерний ветер шевелил бархатные лепестки, и те осыпались на плечи наместника. Прикрыв абрикосовые глаза, заклинатель протянул руки к ветвям — от его ладоней тянулись тонкие черные и светящиеся нити, впиваясь в непробиваемую кору дерева, которую не мог повредить ни меч, ни какое-то иное оружие, даже оружие божественного происхождения. Древняя иньская энергия сакуры хлынула темным потоком в тело человека, что вбирал ее жадно и нескончаемо.

Иньская энергия наполняла Не Нэя нечеловеческой силой темного демона. Воздух вокруг пришел в движение, из вечерней травы поднимались мелкие светлячки, устремляясь ввысь к ветвям дерева и создавая мерцающую пеструю картину. По бледному лицу Не Нэя пробежала тень, свидетельствуя о могуществе, что он испыл; заклинатель открыл глаза и поправил одеяние, мягко улыбнувшись. После недолгой паузы он подошел почти вплотную к Цзиньши Хуан и, чуть склонив голову, задал вопрос:

— Барышня, теперь вы позволите этому наместнику исцелить вашу слабую ученицу?

С этими словами он осторожно взял Цин Але на руки и отнес в гостевой павильон дворца на белоснежную кровать с прозрачным пологом. По иронии над павильоном висела наполовину стершаяся табличка, но название все еще хорошо читалось: «Лэн Фэнже», что означало — павильон холодного феникса¹. Цзиньши Хуан ничего не оставалось, кроме как идти вслед за этим человеком. Происходящее ей не нравилось, но в данный момент на кону была жизнь Цин Але, и в первую очередь следовало спасти ее от гибели, любой ценой и любым способом. Будь то божественная или демоническая энергия, главное — вернуть ее ученицу в чувства.

Не Нэй влил поток иньской энергии в меридианы Цин Але, ресницы барышни дрогнули, и та пошевелила пальцами рук. Иньская энергия переплеталась с энергией ян в теле девушки, медленно и верно восстанавливая поврежденные меридианы. В заброшенном на долгие годы павильоне запечатанного дворца оказалось чисто — к приезду гостей здесь явно готовились, и слугам было дано указание прибрать по-

¹ Лэн Фэнже 冷凤阁 — павильон холодного феникса, иероглиф «холодный» в сочетании с огненной символикой в данном случае намекает на охлаждение природных качеств, отчуждение, пленение гостей.